

ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ К ФРОНТУ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВЕТСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 1941–1945 гг.

И.Г. Тажидинова

Аннотация. Исследование фронтовой повседневности – новый ракурс в историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Он актуален в свете развития в России военно-исторической антропологии, роста общественного интереса к проблеме «человек на войне». Благодаря обращению к личному опыту фронтовиков, запечатленному в эго-документах и интервью, открываются ранее неизвестные стороны их существования в экстремальных условиях фронта. В настоящей статье мы продолжаем разработку этой проблематики. Исключительно на основе документов личного происхождения (эпистолярных, дневниковых, мемуарных) и устных свидетельств советских военнослужащих 1941–1945 гг. исследуем практики их приспособления к фронтовой реальности, – тему, представленную в научной литературе общо либо фрагментарно. В центре нашего внимания – начальные этапы «фронтного пути» солдат и офицеров Красной армии, важнейшие для их выживания и действенной «работы» на благо Победы. Основная задача статьи – выделение показателей их адаптации к фронтовым условиям в период 1941–1945 гг. Наличие таких показателей свидетельствовало о своего рода переходе, «вписывании» военнослужащего во фронтовую среду. Именно тогда он, как правило, становился эффективной единицей данной среды, а также получал больше шансов выжить в ее порой нечеловеческих условиях.

Ключевые слова: фронтовая повседневность, частная переписка, дневники, воспоминания, Красная армия, военнослужащий, адаптация.

Тажидинова Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, факультет истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, tajidinova@yandex.ru.

PRACTICES OF ADAPTATION TO THE FRONT ACCORDING TO THE SOVIET MILITARY PERSONNEL, 1941–1945

I.G. Tazhidinova

Abstract. The research of frontline everyday life is a new perspective in the historiography of the Great Patriotic War of 1941–1945. It is relevant because military-historical anthropology is developing in Russia, public interest of the “man in war” problem is also growing. Referring to the personal experience of front-line soldiers (ego-documents, interviews) we find out the sides of their existence in the extreme conditions of the front, which were previously unknown. In this article, we continue to develop this issue. Based solely on personal documents (letters, diaries, memoirs) and interviews with Soviet military service men in 1941–1945 we investigate their adaptation to the front-line reality. Until now in the scientific literature this topic has presented in a generalized or fragmentary manner. The initial stages of the “front path” of soldiers and officers of the Red Army are the focus of our attention. These stages were important for their survival and active “work” for Victory. The main objective of the article is to highlight the indicators of adaptation of military servicemen to front-line conditions in the period of 1941–1945. The presence of such indicators showed that the soldiers “fit” into the front-line environment and exactly then they usually became an effective unit of this environment. They also got a better chance of surviving in the inhuman conditions of the front.

Keywords: front-line everyday life, private correspondence, diaries, memories, the Red Army, military service men, adaptation.

Разнородность состава Красной армии накануне нападения Германии на СССР, ее усиление в дальнейшем, на всех этапах Великой Отечественной войны, подчеркивается многими исследователями [Сенявская, 1995; Гланц, 2009]. Но даже с учетом этой особенности контингента Действующей армии возможно говорить о фронтовом поколении как особом психологическом социуме, динамично формировавшемся на протяжении военных лет. Таков подход авторитетного специалиста в области военно-исторической антропологии Е.С. Сенявской, изложенный в ряде работ, где автор порой использует понятие «фронтowego пути» как «испытания духовных и нравственных качеств советского солдата в условиях постоянного риска, требовавших героизма и самопожертвования, огромного напряжения всех человеческих сил» [Сенявская, 1995, с. 82].

Понятие «фронтовой путь» относится к числу отправных при анализе проблематики «человека воюющего» (комбатанта), а именно: при рассмотрении фронта как специфического пространства его жизнедеятельности, изучении практик внутриармейских отношений, структур фронтовой повседневности, ценностных аспектов отношения к войне. С другой стороны, содержание данного понятия не очерчено строго и определено. Оно присутствует в работах военных историков, но при этом как будто сдвинуто на периферию научного знания, ближе к сфере публицистики о Великой Отечественной войне. Такое положение связано с все еще недостаточным развитием того направления исследований, в центре которого проблема «человек на войне», а также с методологическими сложностями, подобными тем, что касаются раскрытия содержания термина «фронтальная повседневность» [Сенявский, 2009, с. 10–15; Кринко, Тажиудинова, Хлынина, 2011, с. 24–25].

Понятие «фронтовой путь» вошло в лексикон публицистики о Великой Отечественной войне и отдельных исторических исследований с подачи самих фронтовиков. У последних оно подразумевало личный опыт, полученный в условиях фронта или, иными словами, жизнедеятельность военнослужащего в обстоятельствах, которым свойственна та или иная мера чрезвычайности.

В письменных эго-документах и устных свидетельствах обычно возникает некая точка отсчета как начало фронтowego пути. Она не обязательно совпадает с прибытием военнослужащего в зону боевых действий, где потенциально ожидаемо или непосредственно происходит соприкосновение с противником. Начало фронтowego пути может ассоциироваться со сменой гражданской одежды на военную форму или с попаданием в милитаризованную среду обитания (учебный лагерь, военное училище). И хотя в настоящей статье, опирающейся именно на источники личного происхождения и интервью с ветеранами войны, мы примем во внимание этот момент самоидентификации, но более сосредоточимся на уточнении типичных, распространенных в среде фронтовиков представлений о критериях перехода в данный статус.

Если судить по воспоминаниям и дневникам, кадровые военные редко представляют свой путь на фронт как нечто особенное. Даже если движение в зону боевых

действий описывается, то сжато пунктирно (дата, местность, распоряжение командования), без рефлексии о собственном эмоциональном состоянии, мыслях (чаще речь ведется о насущных вопросах боеготовности армии и конкретного воинского подразделения). Это и понятно, поскольку для части кадрового состава и солдат срочной службы «вхождение» в военные действия было стремительным, для многих оно началось в первые дни Великой Отечественной войны.

Выпускник Ростовского артиллерийского училища двадцатилетний Александр Карпенко в мае 1941 г. стал командиром огневого взвода 263-го стрелкового полка 25-й Чапаевской дивизии, находившейся в Бессарабии. За несколько дней до начала войны проходили полковые учения по отработке взаимодействия с пограничниками, в ходе которых, собственно, и состоялся переход Карпенко и его сослуживцев к реальным боевым действиям с противником. *«В субботу вечером [21 июня 1941 г.] дело уже к темноте, дается команда: "Всем остаться на тех местах, на которых находились к моменту подачи команды отбой". Ночевать будем, кто в окопе, кто около окопа, кто на опушке, в степи. <...> И вдруг такой грохот поднялся, сразу, одновременно. Конечно, все вскочили, и одновременно зазвонил телефон связи, связь с командиром батареи. <...> Командир батареи говорит: "На границе что-то непонятное, горит погранзаезда". Через реку Прут переправляются вооруженные люди, прикрываясь огнем с той стороны. Пограничники ведут бой, есть убитые. "Батареи к бою!". Все еще темно было. Что значит "Батареи к бою"? Определили расчеты орудия, боеприпасы возле орудия, усиление охраны. Прошло совсем немного времени, может, 10–15 минут, идет первая команда к открытию огня. То ли учения, сразу сомнения у всех... <...> А тут уже пошло к тому, что командир батареи говорит, что и в рукопашную, солдаты наши подтянулись, те, которые поближе были, ротами или батальонами. И тоже ведут бой. <...> Вот и наш полк начал поддерживать огнем, ну и, естественно, батарея. Вот так началась для меня Великая Отечественная война. Границу мы держали более 20 дней» [Интервью с Карпенко, 2012].*

Дмитрий Иванович Бакай, призванный в армию в 1940 г., на момент начала войны служил пулеметчиком в береговой охране Черноморского флота. Описывая свое участие в обороне Николаева летом 1941 г., он не особенно задержался на нашем вопросе о том, как именно происходила его перестройка на «военный лад»: *«Как бы на учебных, тренировочных [сборах были]. Мы тренироваться хотели. А началась война» [Интервью с Бакаем, 2013].* То есть происходило практически моментальное встраивание в боевой режим.

Чрезвычайные условия если не облегчали, то ускоряли адаптацию к типично фронтовым реалиям (кадровые военные всегда должны быть к ним готовы). Таких военнослужащих, оказавшихся на фронте в первые, как известно, самые трудные месяцы войны, Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский впоследствии аттестовал *«отборными, кадровыми, крещеными боем»*. Не сбрасывал со счетов и фактор времени нахождения в условиях фронта как важный для адаптации. В мемуарах Рокоссовский рассуждает о том, что *«свежим людям, впервые попавшим на фронт, было трудно»* переносить, к примеру, *«господство вражеской авиации»*, т.е. налеты

противника, в то время как «старожилы уже притерпелись» к ним [Рокоссовский, 1972, с. 31, 37].

Как отмечалось выше, для тех, кто не принадлежал к числу кадровых военных и не находился на срочной службе, знаком вступления на фронтовой путь могли быть чисто внешние изменения в собственном либо чужом облике. 19-летний доброволец Леонид Андреев, с августа 1941 г. находившийся в Тесницких лагерях под Тулой (два месяца пребывания там описаны в его дневнике-воспоминаниях), торопился оказаться на фронте. Объяснял так: «Все более и более думалось о фронте. Я всеми помыслами своими был устремлен к иной жизни, однообразие же, по заведенному порядку существование в лагере не обнаружило никакого движения в сторону моих мечтаний, и казалось, что фронт приблизит осуществление их: ранят – будешь свободен, да и потому еще, что если человек стремится к чему-либо, сидеть на месте нельзя... Была и еще одна причина – в лагере становилось все тяжелее жить, а о фронте приходили сказочные слухи» [Андреев, 2005, с. 64]. Этот настрой не переменялся и в следующем, не менее суровом, лагере под Ногинском: «Тянуло на фронт – верилось, что он изменит жизнь, и казалось почему-то, что вернет домой». На самом деле, сближение с фронтом почувствовалось только когда их, резервистов, в декабре 1941 г. одели «во фронтовое – все новое, теплое». «Это был знак нашего будущего», – отметил Андреев [Андреев, 2005, с. 88, 98].

Виктор Киселев, деревенский парень из Горьковской области, в феврале 1942 г. направленный на обучение в артиллерийскую школу в г. Ижевск, в мае того же года обзирал прибывшее в училище пополнение – студентов Московского механико-машиностроительного института им. Н. Э. Баумана. Занес в дневник их преобразование: «Студенты – с буйными зачесами, интеллигентскими манерами. Теперь они – серые, в обмотках, однообразные. Быстрая метаморфоза. Так нужно, да!» [Киселев, 2005, с. 1009]. О стирании индивидуальности как необходимости, диктуемой условиями приближения к фронту и нахождения там, рассуждал Леонид Андреев: «Всегда “мы” – в армии нет “меня”, нет лица, есть масса. Всегда “нас”, “нам” – у нас нет воли, нами двигают» [Андреев, 2005, с. 106]. Так подытоживал в 1944 г. свой недолгий фронтовой опыт рядовой лыжного батальона, обмороженный и искалеченный в бою под Старой Руссой в 1942 г.

Между тем, в некоторых случаях человек мог начать относить себя к фронтовикам, не имея на то оснований. И не только относить, но и бравировать этим положением. Примечателен случай А.П. Поповиченко (в 1943–1945 гг. сотрудник редакции дивизионной газеты, офицер), призванного в мае 1942 г. и следовавшего поездом из города Фрунзе. В это время Аким Петрович Поповиченко начал вести переписку с женой и детьми, а также дневник. Согласно данным источникам, Поповиченко вошел в образ фронтовика задолго до того, как оказался в условиях, которые данный статус определяют. Еще не добравшись до границы Казахской ССР и РСФСР, он писал семье: «Итак, я попал в водоворот войны. Каждый проделанный шаг приближает нас к фронту». Через месяц (уже после учебного лагеря в Ивановской области) супруга получила от него письмо: «Завтра, дорогуша, мы уезжаем на фронт. Да, да,

на фронт. Судьба беспощадна и жестока. Может быть и такой случай, что это последнее мое письмо. <...> Сегодня я посылаю тебе посылку, в которой шлю шинель из английского сукна. Если буду жив – буду носить, если убьют – дарю своему дорогому сыну Вадиму на память. Пусть вырастает и носит шинель с фронта Отечественной войны (подчеркнуто нами – И.Т.), это будет историческая шинель, память обо мне». На фронт Поповиченко попал только через год, зато в этот год его семья получила денежные суммы, вырученные от сомнительных меновых операций, а также армейский алюминиевый котелок с гравировкой «На память дорогой семье с фронтов Отечественной войны (подчеркнуто нами – И.Т.) от папы. 15.7.42. Аким» [РГАСПИ, ф. М-33, оп. 1, д. 369, л. 7об., 14, 29об.].

И все же нахождение в военных училищах и учебных лагерях, движение к театру военных действий на разных видах транспорта или пешком – это стартовый этап адаптации, которая по-настоящему происходила в реальных боевых условиях. Насколько такие условия поразительны для мирного гражданина, насколько к ним трудно подготовиться, – свидетельства об этом оставили сами комбатанты. Стремительное попадание на передовую для человека, не имевшего никакого военного опыта, было практически смертным приговором (особенно в пехоте).

Поэтому предпосылкой для нормальной адаптации было наличие достаточного времени на приспособление к новой среде. На этот фактор указывает в своих воспоминаниях Николай Николаевич Никулин, к ноябрю 1941 г. ускоренно окончивший школу радиосвязи и, по счастью, попавший в тяжелую артиллерию (осуществлял радиосвязь во взводе управления огнем): «И все же мне повезло. Я был никудышный солдат. В пехоте меня либо сразу же расстреляли бы для примера, либо я сам умер бы от слабости, кувырнувшись головой в костер: обгорелые трупы во множестве оставались на месте стоянок частей, прибывших из голодного Ленинграда. В полку меня, вероятно, презирали, но терпели. Я заготавливал десятки кубометров дров для офицерских землянок, выполнял всякую работу, мерз на посту. Изредка дежурил около радиостанции. На передовую меня сперва не брали, да и больших боев, к счастью, не было. Одним словом, я не сразу попал в мясорубку, а имел возможность привыкнуть к военному быту постепенно». Неприспособленность на данном этапе проявлялась в том, что Никулин даже не пугался обстрелов: «Просто я не сразу понял, в чем дело. Грохот, рядом падают люди, стоны, брызги крови на снегу. А я стою себе, хлопаю глазами». Один раз в траншее на пребывающего в прострации Никулина наткнулся политрук: «Мать твою, что ты здесь ходишь без оружия, с цветком в руках, как Евгений Онегин! Марш к пушке, мать твою!» [Никулин, 2008, с. 18, 19, 54].

Судя по другим эго-источникам, времени на адаптацию могло фактически не быть. Москвич С.М. Бушканец в феврале 1942 г. был мобилизован для отправки на фронт вместе с 20 000 человек из состава МПВО. С 20 февраля 1942 г. началась их переброска к линии фронта. «Большинству было старше 40 лет, и не обучены военному делу. На передовой нас практиковали стрелковым приемам, после чего разбили по полкам», – описывает ситуацию Бушканец. Лично он в МПВО обучался связному

делу, и поэтому попал во взвод связи. Далее события для автора воспоминаний развивались стремительно и уложились в месяц – от прибытия на передовую до тяжелого ранения. Этот месяц остался в памяти как период концентрации лишений: *«С первого дня прибытия на передовую до ранения 22 марта 1942 г. я не видел крыши над собой, не развязывал ушанку с головы, все время находясь в снегу. До этого я не мог себе представить, как можно зимой ночевать в снегу и в лесу, выходить ночью в лес на налаживание телефонной связи и сидеть по 36 часов с телефонным аппаратом в землянке один без смены, проверяя каждые две минуты слышимость. <...> Как мы все это выдержали?»* [Самый памятный день... , 2010, с. 165].

Как видим, для Бушканца, после ранения в Действующую армию уже не вернувшегося, адаптация имела экстренный и незавершенный характер. Для Зинаиды Жорниченко (1921 г.р.), которая также служила в роте связи, фактор времени сыграл свою роль. Спустя месяцы на фронте, студентка Харьковского планового института писала домой (11.03.1944 г.): *«Мама, если бы все можно описать ты бы никогда не поверила, что все это можно вынести, все трудности, которые встречаются на передовой, а особенно в эту проклятую погоду. Грязь по колено, ночь, темно, а приходится давать связь на 8–10 километров. Вообще всего рассказать невозможно. Но уже привыкла и как будто так и надо. 8-го марта была награждена медалью “За отвагу”. Тут это заработать не трудно. Все здесь работают как волы. Тут нет разницы во времени ночь день все равно. Так что поневоле становишься отважным»* [РГАСПИ, ф. М-33, оп. 1, д. 281, л. 5].

Время нахождения в особо опасных для жизни условиях фронта иногда скрупулезно подсчитывалось. Так, автор известных мемуаров А.З. Лебединцев пишет, что пробыл в пехоте непосредственно на переднем крае 2 года 2 месяца и 17 дней [Лебединцев, Мухин, 2006, с. 98]. В источниках, подобных его воспоминаниям, присутствует интересующий нас материал о практиках приспособления военнослужащих к фронтовой реальности, но в них не найти ни бесспорных показателей адаптации, ни рецептов ее успеха, ни, тем более, сроков, в которые данный процесс укладывался. Свой личный опыт фронтовики не наделяли характеристикой универсального, напротив, всячески подчеркивали его уникальность (единичность, складывавшуюся под влиянием субъективных и/или объективных обстоятельств).

Тем не менее, с опорой на устные и письменные свидетельства советских солдат и офицеров, можно предпринять попытку выделить критерии их адаптации к фронтовым условиям в период 1941–1945 гг.

1. Преодоление специфических проблем, которые трудно представить в мирной жизни (помимо практического выживания, подкрепляло уверенность военнослужащего в том, что он справится с фронтовыми рисками).

Такое в буквальном смысле *«перерождение»* заметил в себе Н. Никулин на третьем месяце пребывания в Действующей армии: *«В конце ноября [1941 г.] началось наше наступление. Только теперь я узнал, что такое война, хотя по-прежнему в атаках еще*

не участвовал. Сотни раненых, убитых, холод, голод, напряжение, недели без сна... В одну сравнительно тихую ночь, я сидел в заснеженной яме, не в силах заснуть от холода. Чесал завшивевшие бока и плакал от тоски и слабости. В эту ночь во мне произошел перелом. Откуда-то появились силы. Под утро я выполз из норы, стал рыскать по пустым немецким землянкам, нашел мерзлую, как камень, картошку, развел костер, сварил в каске варево и, набив брюхо, почувствовал уверенность в себе. С этих пор началось мое перерождение. Появились защитные реакции, появилась энергия. Появилось чутье, подсказывавшее, как надо себя вести. Появилась хватка. Я стал добывать жратву» [Никулин, 2008, с. 19].

2. Проблемой, которую стоит выделить особо, была необходимость свыкнуться как с фактами смерти, так и с видом смерти.

Среди погибших, которые оказывались в поле зрения военнослужащего, могли быть ранее не знакомые ему люди, но также и те, с кем жил в одной землянке, шел в атаку, дружил. Места сражений, массово заполненные убитыми и ранеными; обезображенные до неузнаваемости тела сослуживцев, обнажавшие физическую неприглядность «работы смерти»; спешные, часто лишенные должного почтения, похороны в условиях отступления или наступления, — столкновение с этими случаями становилось серьезным испытанием для тех, кто прибывал на фронт.

Весной 1943 г. житель Кубани А.П. Обозьянский (1927 г.р.) уговорил военнослужащих проходившей через его поселок стрелковой бригады взять его с собой «связистом». Для этого набавил себе год и приукрасил свои знания о телефонной связи. Воевать на передовой ему пришлось всего неделю до ранения в голову. И хотя из интервью понятно, что фронтовой опыт 16-летнего Саши Обозьянского охватывает и то, как он добирался до передовой, и то, как ускоренно обучался навыкам связиста, но важнее всего оказывается пережитое в пределах боя (видеть смерть других военнослужащих, пережить страх во время бомбежки, выполнить свои функции под огнем противника). Из интервью А.П. Обозьянского: «Вот, у всех понятие: фронтовик — это с винтовкой бежит, стреляет, крушит, бьет и прочие вещи... Когда меня, вот, только привезли, когда я попросился... Меня на самый передок...Вот, нас когда высадили... только бой прошел. Смотрю: наш [солдат] лежит убитый, немец лежит убитый. И колея. И в колее наш солдат лежит, замороженный. У меня голова закружилась, меня стошнило. Сержант подбегает: "Ты ж солдат!" Сержант, к которому меня прикрепили. А я когда вот это глянул в первый раз... вот, такая реакция. Потому что вижу, что по убитому ездят» [Интервью с Обозьянским, 2013].

Для психики бойца важно было, с одной стороны, притерпеться к близости мертвых тел, а, с другой, — выработать у себя отстраненное отношение к смерти. Об этом сказано в частной переписке разведчика Владимира Цоглина. В письме из Восточной Пруссии он замечает, что случалось принимать пищу, буквально сидя на трупах немецких солдат. А о гибели знакомого, тоже из евреев, сообщает так: «Кимку убили. Если бы не убили Кимку, то убили какого-нибудь Ивана. От этого ничего

бы не изменилось. Кому-нибудь убитым нужно быть» [Архив НПЦ «Холокост», ф. 9, оп. 2, д. 160, л. 49, 56].

3. Освоение некоторых приемов («хитростей»), позволяющих сохранить жизнь.

На передовых позициях действовали свои правила, игнорировать которые было неразумно. *«На передовой, где все время свистят пули и осколки, нормой является сидение в окопе, ползание по-пластунски, быстрые перебежки, согнувшись в три погибели. Встать в полный рост – безумие»*, – описывает стандарт поведения в непосредственной близости от вражеских позиций разведчик Леонид Вегер. Тем не менее, он же указывает, что *«на фронте встречались люди, не умевшие и не желавшие приспособливаться»*, и, соответственно, обреченные на гибель [Вегер, 2003, с. 46].

В историях о таких «обреченных» недостатка нет; видимо, они врезались в память. Из интервью Д.И. Бакая ясно, что некоторые «хитрости» на фронте стоило соблюдать, независимо от звания, возраста, темперамента. Малый срок службы и разница в положении в случае, рассказанном им, сработали против его командира. *«Находясь в Керчи, к нам прислали молодого лейтенанта. Убили командира взвода, и лейтенанта другого прислали с училища. Я был тогда рядовой. Прислали лейтенанта; чистенькая рубашечка, с училища только. Мы говорим: “Товарищ лейтенант, Вы смотрите, не стесняйтесь, кланяйтесь пулям”. Потому что там, где нужно пройти, там нужно ползти. Он же не послушал. Видимо, было ему неудобно перед нами (мы ж фронтовики, считайте, сколько уже времени, третий год воюем), может, ему неудобно было. “Тут снайпер снимал уже не одного, смотрите!” Не похилился по-пластунски, пошел, не пригнувшись, и тут же его в голову и убило. Сразу. Поэтому, надо кланяться»* [Интервью с Бакаем, 2013].

Военный переводчик В.Д. Раскин (1920 г.р.) восхищался некоторыми «виртуозами», которые каким-то необъяснимым чутьем определяли, что *«сейчас фриц огня вести не будет»* или, наоборот, удерживали словами *«посиди, обстреляет фриц, тогда пойдешь»* [РГАСПИ, ф. М-33, оп. 1, д. 1400, л. 44об.].

4. Опыт убийства противника (для отдельных категорий военнослужащих).

Военнослужащие порой сами поражались, что им приходится убивать, и они выполняют эту «работу» как любую другую. *«Даже я, жалевший раньше убить комара, сейчас хладнокровно убиваю фашиста»*, – писал своей школьной учительнице, находясь на немецкой земле в 1945 г., капитан медицинской службы В. Сперанский. В ситуации, когда пройден долгий фронтовой путь, *«кругом – смерть»*, и пора осуществить *«нашу месть»*, убийство противника не представлялось чем-то противоестественным [«Я пока жив...», 2010, с. 224]. Напротив, военнослужащий нередко жалел о нереализованном шансе уничтожить больше врагов. *«Я одного фрица кокнул, а двух живыми взял, не позволили [убить], а то бы я их к первому отправил»*, – сообщал родным о своей «работе» на восточнопрусской земле разведчик В. Цоглин (27.07.1944 г.) [Архив НПЦ «Холокост», ф. 9, оп. 2, д. 160, л. 32].

Вспоминая первое участие в штыковом бою, А.Д. Романов утверждает, что в момент убийства врага штыком ощутил в руках «непонятную вибрацию», а потом – «честное слово, зло засмеялся». «Так я – мирный человек – зарезал первого, хотя и фашиста, но это же человек, а потом еще и еще...» [Самый памятный день... , 2010, с. 58–59].

Подытожить обсуждение этой темы можно фрагментом переписки Цоглина с матерью, видимо, призывавшей сына воздерживаться от убийства: «Мамочка, до чего же вы все, мамки, смешные, мы так смеялись... Мамочка, слушай аксиому. Если ты его не убьешь – он тебя убьет» [Архив НПЦ «Холокост», ф. 9, оп. 2, д. 160, л. 54].

5. Бой, атака как ключевые моменты, переживание которых определяет самоощущение комбатанта.

В конце 1942 г. капитан Г.Я. Иосем (1903 г.р.) сообщал родным об успешной адаптации к фронту: «Жив и здоров. К бою привык, я даже не думал, что фронтовую обстановку усвою так легко...» [Письма из войны ... , 2010, с. 139]. В мемуарах К.К. Рокоссовского подчеркивается значение для самого хода войны этого перехода бойцов и командиров из статуса «необстрелянных» в «обстрелянные». «У них появился вкус к бою», – считает Маршал Советского Союза [Рокоссовский, 1972, с. 19].

Принимая во внимание содержание наших источников, утверждение о «вкусе к бою» не бесспорно. Даже если иметь в виду азарт и риск, захватывавшие комбатантов ситуативно, маловероятно, что у большинства они пересиливали страх и трагические предчувствия. Вот резюме о своей жизни и ее перспективе из письма другу Александра Назаренко (1923 г.р., старшего лейтенанта, командира строевой роты): «С 15 августа 1943 на фронте и почти непрерывно на передовой. Не знаю, как до сих пор уцелел. Видно, уж ахнет так ахнет сразу. Много пришлось повидать и еще больше пережить. Сильно изменился. <...> Я – пехота-матушка. Достается ей бедняге. Жду своей очереди или туда или сюда. Без конца не может продолжаться без перемен, особенно в “матушке”» [РГАСПИ, ф. М-33, оп. 1, д. 501, л. 160]. На тот момент автор письма, пожалуй, исчерпал «лимит» удачливости пехотинца, так как шел его шестой месяц на передовой. Спустя еще месяц Назаренко, двигавшийся с боями на Запад, погиб.

На самом деле, в период боя комбатант испытывал спектр противоречивых эмоций. Владимир Григорьевич Гречко выразил мнение, что самым страшным временем для солдата был «час в ожидании атаки», когда люди «уходили в себя». Об атаках у Гречко сохранились сильные воспоминания: «Бежишь и думаешь: “Если сейчас попадет, так не в меня, а в соседа, только не в меня, чтоб было рядом”. Тут уже грех на душу все брали: не себя, а рядом кого-нибудь или мимо. Неприятно было. А потом уже думаешь: “Господи, пронесло, никого наших не ранило, не убило”». А самым лучшим «часом» в судьбе солдата Гречко называет время непосредственно после благополучного завершения боя, когда захлестывали эмоции: «...ты не

ранен, и ты не убит, ты живой, мы победили. Это было сверхрадостью человеческой» [Интервью с Гречко, 2013].

6. Спокойствие как признак нормально протекающей адаптации.

Именно спокойствие фронтовики считали сигналом о том, что их адаптация к фронтовой повседневности проходит нормально (хотя в частную переписку фразы о собственном хладнокровии вставляли и профилактически, чтобы унять тревогу родных).

Уверенность, спокойствие или даже позитивный настрой приходили спустя месяцы фронтового существования, и тогда повторное движение к линии фронта (после лечения в госпитале, командировки в тыл, отпуска) переживалось конструктивно, иногда – с подъемом. Н.Г. Чернышев (1906 г.р.), к февралю 1942 г. имевший полугодовой опыт фронтовой жизни и поэтому знавший, что его ждет, писал в дневнике: *«Итак, опять нахожусь на пути к фронту, к своей части. Чертовски приятное и уверенное чувство охватило меня как только я очутился в вагоне и поезд тронулся в направлении фронта»* [Это и моя война... , 2016, с. 90].

Характерно, что учеба на курсах или лечение в госпитале для обладателей фронтовой закалки превращались в мучительную рутину. В 1943 г. В.И. Александров (1922 г.р.) попал на артиллерийские курсы, и, судя по переписке с родными, предпочел бы оставаться в знакомой боевой обстановке: *«Страшно тянет опять на фронт, в свою часть. Прямо считаешь счастливыми тех, кто отправляется отсюда на старые места...»* [Письма с фронта ... , 1983, с. 107]. Передовая могла манить к себе, поскольку существование в ее ритме было деятельным, наполненным событиями, и, что особо важно, приближало финал войны. Не слишком оберегая покой родных, танкист Федор Алексанкин сообщал домой из госпиталя в апреле 1945 г., что *«...рана не беспокоит и снова скоро "передок", атаки и радость победы»* [Герои терпения ... , 2010, с. 161]. Эти строки принадлежали военнослужащему с проникающим в легкие ранением (*«рана размером 14 на 8 см»*), который будет выписан из госпиталя лишь в июне 1945 г.

7. Нормализация ненормального.

Ненормальность обстановки, к которой солдаты и офицеры постепенно претерпевали, в воспоминаниях Н.Н. Никулина предстает так: *«Трудно подходить с обычными мерками к событиям, которые тогда происходили. <...> На войне случаи чудовищные становились обыденностью. Чего стоил, например, переход через железнодорожное полотно под Погостьем в январе 1942 года! Этот участок простреливался и получил название "долина смерти". (Их много было, таких долин, и в других местах.) Ползем туда вдвоем, а обратно – вдвоем, и хорошо, если не раненые. Перебегаем по трупам, прячемся за трупы – будто так и надо. А завтра опять посылают туда же... А когда рядом рвет в клочья человека, окатывает тебя его кровью, развешивает на тебе его внутренности и мозг – этого достаточно в мирных условиях, чтобы спать»* [Никулин, 2008, с. 48].

Только происходившей в душевном мире фронтовиков метаморфозой можно объяснить запечатление в некоторых дневниках и воспоминаниях по-настоящему страшных (с позиций мирного обывателя) зарисовок. В частности, тех, где эстетическое чувство автора пробуждалось от созерцания мертвых тел [Вебер, 2003, с. 55]. Пережитое влияло и на чувство юмора. Военный переводчик Виктор Раскин рассказывал в письме подруге: *«В прошлом году немецкая бомба угодила в кухню, не нашли потом ни кухни, ни рисовой каши, а жертв не было. Смеялись гораздо много. Казалось, забавно: бомба в рисовую кашу. Война совершенно изменяет людей и, должно быть, необратимо»* [РГАСПИ, ф. М-33, оп. 1, д. 1400, л. 55].

8. Приобщение к философии фронтовой жизни.

Составляющие так называемой «философии фронтовика» разбросаны в письмах, дневниках, воспоминаниях тех, кто считал себя ее адептом. В письме подруге от 23.02.1943 г. переводчик Виктор Раскин рассуждал так: *«Выхожу в траншеи с рупором, кричу по-немецки, в меня стреляют из пулемета, но это в порядке вещей, как дождь или мороз. Я не первый, не последний, не единственный из единственных сынов убитых, убиваемых и имеющих быть убитыми»*. В последнем полученном подругой Виктора письме содержится концентрат иронии бывалого фронтовика: *«Ну, а пока жизнь проста и полна радостью: снаряд упал, но не разорвался; разорвался, но далеко; разорвался близко, но не задел; задел, но слегка и т.д. Будем надеяться, что если и убьет, то сразу»* [РГАСПИ, ф. М-33, оп. 1, д. 1400, л. 22, 26–26об., 124]. Это письмо датировано 14 сентября 1944 г. В ноябре Раскин пропал без вести.

Похожие мысли обнаруживаются у Михаила Трескова (1917 г.р.). С 1939 г. он ходил на срочной службе, а с 1941 г. испытал на себе «все прелести» фронта: от «жизни в окопах, холода, иногда голода», завшивленности, до неизвестности о будущем не только отдаленном, но даже «в эту минуту». В 1942 г. Тресков стал заместителем политрука роты, и 15.02.1942 г. в «чуть ли не философском письме» из Крыма, адресованном другу, подводил итог происходящему «кошмару – войне» и своему месту в ней: *«Обо мне много думать не приходится. Ведь нас много, всем известно, что на войне всех не убивают, остаются и живые. Будем надеяться, что к числу последних будем относиться и мы»* [«Я пока жив...», 2010, с. 241–243]. 23 марта 1942 г. Михаил Тресков погиб.

Отстаивая собственную «фронтовую философию» в откровениях с родными, комбатанты на полное понимание не рассчитывали; слишком велика была разница условий существования. Командир огневого взвода «катюш» Василий Александров объяснял матери: *«Тебе, может, это и не совсем понятно, но поверь: жить так, чтобы только остаться живому, я не могу. Там, где дерутся товарищи, хоть и опасно, но интересней и больше смысла жизни»* [Письма с фронта... , 1983, с. 109].

Подводя итог, на основании изученного материала можем констатировать, что в период Великой Отечественной войны освоение военными Красной армии набора адаптационных практик становилось залогом того, что он совершал своего

рода переход, то есть вписывался во фронтовую среду; за тем, чтобы стать ее максимально эффективной единицей, либо чтобы выжить в ее порой нечеловеческих условиях, — зачастую обе эти задачи решались параллельно. Это была начальная, но чрезвычайно важная часть процесса становления комбатанта, то есть обретения им необходимого опыта участия в боевых действиях (включая убийство противника) и закалки духа (включая преодоление страха). Исходя из прямых и косвенных свидетельств самих фронтовиков, показателем нормальной адаптации была как можно более полная отрешенность от той жизни, которую вел человек до попадания на театр военных действий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андреев Л.Г. Философия существования. Военные воспоминания. М.: Гелеос, 2005. 320 с.

Архив Научно-просветительского центра «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 160.

Вегер Л.Л. Записки бойца-разведчика. М.: Новый век, 2003. 64 с.

Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов. Краснодар: Диапазон-В, 2010. 240 с.

Гланц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 544 с.

Интервью с Бакаем Дмитрием Ивановичем, 1921 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 17 июня 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.

Интервью с Гречко Владимиром Григорьевичем, 1925 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Запись 24 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.

Интервью с Карпенко Александром Захаровичем, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Запись 13 марта 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.

Интервью с Обозьянским Александром Павловичем, 1927 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 8 июля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН.

Киселев В.П. Война и жизнь в представлении 20-летних фронтовиков (из моего дневника) // Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. — 1953 г. Т. 3. М.: Институт российской истории РАН, 2005. С. 998–1038.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.

Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Отцы-командиры. М.: Яуза, 2006. 608 с.

Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб: Издательство Гос. Эрмитажа. 2008. 237 с.

Письма из войны. Саранск: Респ. архив. служба Республики Мордовия, 2010. 432 с.

- Письма с фронта: 1941–1945. Сборник документов. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1983. 288 с.
- Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1972. 374 с.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-33. Оп. 1. Д. 281.
- РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369.
- РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 501.
- РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400.
- Самый памятный день войны. Письма-исповеди. М: Вече, 2010. 600 с.
- Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М. Институт российской истории РАН, 1995. 220 с.
- Сенявский А.С. Повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 9–16.
- Это и моя война: Великая Отечественная в письменных и визуальных эго-документах: сб. документов. Краснодар: Традиция, 2016. 592 с.
- «Я пока жив...» Фронтовые письма 1941–1945 гг. Н.Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2010. 304 с.

REFERENCES

- Andreev L.G. *Filosofiya sushchestvovaniya. Voennye vospominaniya* [Philosophy of existence. War Memories]. Moscow: Geleos, 2005. 320 p. (in Russian).
- Archive of Scientific and Educational Center "Holocaust". F. 9. Inv. 2. D. 160.
- Weger L.L. *Zapiski bojca-razvedchika* [Scout Soldier's Notes]. Moscow: New century, 2003. 64 p. (in Russian).
- Geroi terpeniya. Velikaya Otechestvennaya vojna v istochnikah lichnogo proiskhozhdeniya* [Heroes Patience. The Great Patriotic War in the sources of personal origin]. Sat documents. Krasnodar: Range-B, 2010. 240 p. (in Russian).
- Glantz D. *Vosstavshie iz pepla. Kak Krasnaya Armiya 1941 goda prevratilas' v Armiyu Pobedy* [Risen from the ashes. How the Red Army of 1941 became a Victory Army]. Moscow: Yauza: Eksmo, 2009. 544 p. (in Russian).
- Interview with Dmitry Ivanovich Bakai, born in 1921. Interviewer: I.G. Tazhidinova. Recorded on June 17, 2013, in *Archive of the Laboratory of History and Ethnography*, SSC RAS.
- Interview with Grechko Vladimir Grigorievich, born in 1925. Interviewer: E.F. Krinko. Recorded on April 24, 2013, in *Archive of the Laboratory of History and Ethnography*, SSC RAS.

Interview with Karpenko Alexander Zakharovich, born in 1921. Interviewers: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Recorded on March 13, 2012, in *Archive of the Laboratory of History and Ethnography*, SSC RAS.

Interview with Alexander Pavlovich Obozyansky, born in 1927. Interviewer: I.G. Tazhidinova. Recorded on July 8, 2013, in *Archive of the Laboratory of History and Ethnography*, SSC RAS.

Kiselev V.P. *Vojna i zhizn' v predstavlenii 20-letnih frontovikov (iz moego dnevnika)* [War and life as imagined by 20-year-old front-line soldiers (from my diary)], in *Obshchestvo i vlast'. Rossijskaya provinciya. Iyun' 1941 g. – 1953 g.* [Society and Power. Russian province. June 1941–1953]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2005. Vol. 3. Pp. 998–1038. (in Russian).

Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. *Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-h gg.: zhizn' v usloviyah social'nyh transformacij* [The daily world of the Soviet people of 1920–1940s: the life in the conditions of social transformations]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2011. 360 p. (in Russian).

Lebedintsev A.Z., Mukhin Yu.I. *Otcy-komandiry* [Fathers-commanders]. Moscow: Yauza, 2006. 608 p. (in Russian).

Nikulin N.N. *Vospominaniya o vojne* [Memories of the war]. St. Petersburg: Publishing House of the State Hermitage, 2008. 237 p. (in Russian).

Pis'ma iz vojny [Letters from the war]. Saransk: Rep. archive. service RM, 2010. 432 p. (in Russian).

Pis'ma s fronta: 1941–1945 [Letters from the Front: 1941–1945]. Sat documents. Krasnodar: Krasnodar Book Publishing House, 1983. 288 p. (in Russian).

Rokossovsky K.K. *Soldatskij dolg* [Soldier's duty]. Moscow: Military Publishing, 1972. 374 p. (in Russian).

Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. M-33. Inv. 1. D. 281.

RGASPI. F. M-33. Inv. 1. D. 369.

RGASPI. F. M-33. Inv. 1. D. 501.

RGASPI. F. M-33. Inv. 1. D. 1400.

Samyj pamyatnyj den' vojny. Pis'ma-ispovedi [The most memorable day of the war. Letters of confession]. Moscow: Veche, 2010. 600 p. (in Russian).

Senyavskaya E.S. *1941–1945: Frontovoe pokolenie. Istoriko-psihologicheskoe issledovanie* [1941–1945: The frontline generation. A historical and psychological research]. Moscow: Institute of Russian History RAS, 1995. 220 p. (in Russian).

Senyavsky A.S. *Povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya: teoretiko-metodologicheskie problemy enyavsky* [The daily occurrence as a subject of historical research: theoretic-methodological problems], in *Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-h gg.* [The daily world of the Soviet man the 1920–1940s.]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2009. Pp. 9–16. (in Russian).

Eto i moya vojna: Velikaya Otechestvennaya v pis'mennyh i vizual'nyh ego-dokumentah [This is my war too: The Great Patriotic War in written and visual ego-documents]. Sat documents. Krasnodar: Tradition, 2016. 592 p. (in Russian).

"Ya пока жив..." Frontovye pis'ma 1941–1945 gg. ["I am still alive ..."] Front letters 1941–1945]. Nizhny Novgorod: Committee for Archives of the Nizhny Novgorod Region, 2010. 304 p. (in Russian).